

мене отдельных слов их синонимами или некоторых словосочетаний другими, но такой спор отнюдь не поколеблет только что высказанной нами общей оценки перевода. Читатель сборника может быть вполне уверен, что сделанная И. А. Орбели работа точно передает не только мысли Мхитара Гоша и Вардана Айгекца, но и их стиль.

Очень ценны примечания, приложенные к переводам. Они написаны с такой же скрупулезностью и тщательностью, с какой сделаны переводы, и некоторые из них могут представить интерес не только для широкого круга читателей, но и для специалистов — историков и филологов.

После всего сказанного выше нет, думается, нужды еще раз напомнить читателю о значении этой книги для всех интересующихся историей средневековой Армении. Следует, однако, подчеркнуть, что самый характер басенного жанра дает возможность использовать этот материал и при изучении византийских общественных отношений XII—XIII вв., тем более что в этническом отношении восточные районы Византии были тесно связаны с Арменией.

И. К. Кусикьян

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

(Обзор статей, опубликованных в периодических изданиях СССР и стран народной демократии в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками)

Завоевание Византии и балканских стран турками-османами, сопровождаемое повсеместными опустошениями, разрушениями и издевательствами, явилось настоящей катастрофой для балканских народов и оказалось началом длительного трагического периода их существования под тяжелым чужеземным владычеством. Нашествие азиатских завоевателей, прочно обосновавшихся на Балканском полуострове, и установление турецкой феодальной системы нанесли страшный удар высокоразвитой феодальной экономике балканских стран, уничтожили сотни памятников культуры, прервали и задержали естественное историческое развитие покоренных народов. В течение целых столетий эти народы, лишенные свободы и политической независимости, были принуждены нести гнет турецкого феодализма, жестокой религиозной и национальной дискриминации. Бесконечен ряд фактов, раскрывающих печальную картину чужеземного господства и свидетельствующих о том, что турецкое завоевание принесло только страдания, разрушения и застои в историческом развитии балканских народов.

Турецкие завоеватели проникли в балканские страны в момент, когда эти страны переживали последний этап феодализма, в недрах которого уже зарождались тенденции развития более совершенных экономических форм и отношений. Отсутствие политического единства, нескончаемые феодальные междоусобицы и династические войны помешали балканским странам своевременно организовать прочный фронт против нашествия. Двуличная и неискренняя политика папы и господствующего класса средневропейских государств и итальянских морских торговых республик — Венеции и Генуи — по отношению к Византии и балканским странам также облегчили победу завоевателей. Проникновению османов на Балканский полуостров способствовало и предательское поведение части балканской феодальной аристократии, стремившейся сохранить свои классовые привилегии и поэтому вставшей на путь компромиссов и соглашательства с поработителями, предав тем самым интересы балканских народов. Эти народы, испытавшие весь ужас чужеземного нашествия, неоднократно ока-

зывали серьезный организованный отпор завоевателям. Но оставленные без поддержки, собственными силами они были не в состоянии остановить вражескую стихию, тем более что предательская политика многих балканских феодалов открывала ей путь. И хотя развязка этой героической борьбы против турецкого нашествия была печальной, народные массы не прекращали борьбы за свою свободу. В века рабства они с величайшей самоотверженностью не раз поднимались против турецкого феодального гнета.

В буржуазной исторической науке неоднократно предпринимались попытки исказить все эти бесспорные факты, характеризующие подлинную историю завоевания Балканского полуострова турками.

Особенно далеко в этом отношении заходит современная реакционная турецкая историография. Она старается изобразить османских завоевателей носителями более совершенного общественного строя, высшей культуры, справедливой политической системы, спасителями балканских народов, якобы облегчившими этим народам бремя феодализма и создавшими им более благоприятные условия развития¹. Понятно, что все эти теории, полностью противоречащие историческим фактам, создаются некоторыми реакционными турецкими учеными для того, чтобы исторически оправдать политику турецких правящих кругов.

Именно в этом плане написано и большинство статей, появившихся в турецких изданиях в связи с 500-летием завоевания турками Константинополя².

Их тенденциозность становится особенно ясной в свете тех новых исследований, которые опубликованы в связи с этим событием в других странах, и в первую очередь в СССР и странах народной демократии. Советские историки посвятили этим проблемам специальный том (VII) «Византийского временника»; чешские историки — том XIV журнала «Byzantinoslavica», в котором приняли участие специалисты многих стран. Статьи по этой тематике продолжают печататься и в последующих томах журнала. В других странах народной демократии 500-летие падения Царьграда также было отмечено отдельными статьями в некоторых периодических изданиях³.

Остановимся прежде всего на тех работах, которые сосредоточивают внимание главным образом на закономерностях развития балканских стран в период, непосредственно предшествующий нашествию. Они проливают яркий свет на действительные причины завоевания балканских стран, на примитивное устройство Османского государства в XIV в., на значение турецкого нашествия для судьбы балканских народов; тем самым они убедительно опровергают ненаучные теории об общественно-политическом и культурном превосходстве турок-османов.

В наиболее широком плане эта проблема рассматривается в работах Э. В. Удальцовой «О внутренних причинах падения Византии в XV веке»

¹ Ср. Ö. L. Barkan. Osmanlı İmparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî sistemi. Ülkü, с. IX, № 49, s. 48; № 53, s. 336; Tarih III, 1931, s. 3—4; T. Gökbiğgin. Macaristandaki türk hakimiyeti devrine ait bazı notlar. Türkiyat Mecmuası, с. VII—VIII, cüz 1, 1942, s. 210.

² Ср. Т. Вүйүклю ğлу. İstanbul'un iki fatihi. II. Mehmet ve Atatürk. Belleten, с. XVII, 1953, sayı 65, s. 83—100. В своей статье Т. Вүйүклю ğлу особенно подчеркивает, что завоевание Царьграда ускорило процесс европейского Возрождения (стр. 90).

³ Мне остались недоступны статьи: Т. М. Роресу. Cinci sute de ani de la cäderea Constantinopolului sub Turci (1453—1953). Ortodoxia, 3, Bucureşti, 1953, p. 381—437; K Pět set let od pádu Cařihradu. 29.5.1453 padl do rukou Turků. Stučný výklad historický. Český zápas. Roč. 36, Praha, 1953, čís. 23, str. 3; R. Ričan. 29 květen 1453 (Význam pádů Cařihradu). Křestánská revue, čís. 4/5, str. 124—130.

(ВИ, 1953, кн. 7, стр. 102—120) и «Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания» (ВВ, VII, 1953, стр. 92—122).

Первая из этих работ начинается кратким введением, в котором дается критический обзор византийских источников, относящихся к последнему периоду существования империи, значение и достоверность которых оценивается сообразно с классовой принадлежностью их авторов и идейной направленностью. Одновременно Э. В. Удальцова сжато, но ясно показывает, как буржуазные исследователи до сих пор освещали рассматриваемую проблему и каковы были недостатки и грубые извращения в постановке ими вопроса. Автор отвергает как методологически совершенно несостоятельные все те концепции, которые изображают главными причинами гибели Византии ту или иную комбинацию внешних (главным образом внешнеполитических) причин. Вместе с тем автор убедительно и обоснованно опровергает и глубоко ошибочную и тенденциозную теорию буржуазной науки об исторической обреченности Византии, якобы лишенной жизнеспособности и силы для дальнейшего развития. На основе обширного и разнообразного материала источников Удальцова раскрывает высокое развитие производительных сил Византии в XIII—XV вв. Автор отмечает значительную роль товарного производства в византийской экономике, что создавало известные условия для возникновения капиталистических тенденций, но еще не привело непосредственно к возникновению капиталистического способа производства. В статье приведены многочисленные сведения о хозяйственном облике городов — центров ремесленного производства и оживленной торговой деятельности. В статье показаны и изменения в византийском селе: проникновение товарно-денежных отношений и первые признаки разложения феодализма. Но развитие производительных сил, подготовлявшее условия для перехода к более высокой стадии общественно-экономического устройства, тормозилось устаревшими феодальными производственными отношениями. Возросшая эксплуатация разоряла крестьян, а сравнительно ограниченный внутренний рынок не стимулировал развития ремесел. С другой стороны, византийские феодалы не только не содействовали развитию товарообмена в стране, но открыто покровительствовали иностранным торговцам. Благодаря этому иностранцы, прежде всего генуэзцы и венецианцы, постепенно завоевали монопольное положение в торговом обороте империи; они грубо вмешивались во внутреннюю жизнь страны и еще в XIII в. превратили Византию в арену ожесточенного взаимного соперничества. Все эти обстоятельства и привели византийское общество в XIV—XV вв. к глубокому внутреннему кризису. Причиной его было прежде всего наступившее уже несоответствие между развивающимися производительными силами и старыми производственными отношениями. Ясно, следовательно, что этот кризис отнюдь не означал, что Византия была лишена перспективы развития и полностью обессилена. Напротив, он означал, что византийское общество было на пути к более высокой стадии своего общественно-экономического развития. Но в то же время несомненно, что в конкретно-исторических условиях XV в. этот кризис, обессиливавший империю, облегчил победу завоевателей. Упадку страны способствовали и непрестанные кровавые феодальные междоусобицы и династические столкновения. К тому же накануне турецкого завоевания византийское общество было сотрясаемо глубокими классовыми противоречиями, причем, как совершенно правильно отмечает автор, классовая борьба в Византии вступила в новую фазу своего развития, так как в антифеодальное движение зависимого сельского населения включился и новый социальный элемент — городские плебейские массы.

Весьма удачно автор раскрывает предательское поведение части византийской аристократии, которая, чтобы сохранить свое привилегированное положение, оказывала содействие завоевателям. Удальцова подчеркивает, что в то время как ренегаты-феодалы действовали, руководимые единственно мыслью об обеспечении своих классовых привилегий, народные массы упорно, героически сражались против завоевателей. Гибель Царьграда была ускорена и близорукой политикой императора и правителей, которые из страха перед народом не искали опоры в народных массах, а прибегали к услугам ненадежных наемных войск. Трагическая развязка была приближена и религиозными раздорами среди разьединенного на этой почве царьградского населения, и вероломным поведением генуэзцев по отношению к Царьграду, и предательским отношением Запада, не оказавшего Византии помощи в трагический момент.

Все эти проблемы Удальцова затрагивает, хотя и в более сжатой форме, и в первой части второй своей статьи, специально посвященной предательской политике византийской феодальной знати в период турецкого завоевания. Новым и очень интересным здесь является исторический анализ сочинения известного византийского историка Критовула «История Мехмеда II». Автору удалось весьма аргументированно показать, что сочинение Критовула отражает настроения и стремления известных кругов византийской феодальной аристократии Эгейских островов. Эти круги были связаны с богатыми местными торговцами, враждебно настроенными по отношению к итальянским морским республикам и Западу из-за их жестокой торговой конкуренции. На базе экономического соперничества и неприязни по отношению к итальянцам углубляются туркофильские настроения и среди этих византийских феодалов-ренегатов. Материал источника свидетельствует — и это очень важно, — что в своей предательской деятельности Критовул и его единомышленники никогда не пользовались сочувствием и поддержкой народных масс⁴.

Ценность этих работ Э. В. Удальцовой определяется тем, что они по-новому и в полном соответствии с марксистской методологией ставят вопрос об основных причинах гибели Византии.

Положению Византии и балканских стран накануне турецкого завоевания и общей характеристики причин их гибели посвящена и научно-популярная статья Войслава Моле (W. Moleski. pięćsetną rocznicę upadku Konstantynopola w r. 1453), опубликованная в Pamiętnik Słowiański. Czasopismo naukowe poświęcone słowianoznawstwu. Wrocław—Poznań, 1955, str. 361—385.

Меньше, к сожалению, внимания было уделено другому важному вопросу из области рассматриваемой здесь проблематики — вопросу о внутренней структуре османского общества накануне турецкого проникновения на Балканский полуостров, хотя несомненно, что исследование этой проблемы дает возможность более полно раскрыть обстоятельства, которые способствовали турецкому завоеванию балканских стран. Наиболее интересной в этом плане является статья советского турковеда А. С. Твериновой «Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии» (ВВ, VII, 1953, стр. 9—31). Автор показывает, что внимание современной реакционной турецкой историографии направлено теперь не на формальное прослеживание фактов политической истории

⁴ В примечании 4 на стр. 101 в этой статье говорится, что издание Критовула в Monumenta Hungariae Historica, т. XXI, не вышло в свет. В действительности такое издание существует. В его первой части приведено сочинение Критовула на греческом языке, во второй части — в переводе на французский язык.

Турции, но прежде всего на изучение социальной структуры Османской империи с тем, чтобы в угоду пантюркизму и антинародной политике турецких правящих кругов исказить и фальсифицировать действительное положение вещей.

Одним из грубейших извращений реакционных кемалистских историков является теория об общественно-политическом превосходстве турок-османов, якобы принесших на Балканский полуостров более совершенные формы общественного и государственного устройства. На основании внимательно проанализированных данных главным образом из старых турецких хроник Тверитинова весьма обоснованно отвергает эту ненаучную и предвзятую теорию. Она доказывает, что османский эмират, возникший на территории распавшегося сельджукского государства, в значительной степени унаследовал существовавшие там общественно-политические формы и институты. Как у сельджуков, так и у турок-османов в конце XIII в. существовали еще значительные пережитки родо-племенных порядков и отношений. Первые территориальные завоевания османов в Малой Азии совершенно правильно объяснены Тверитиновой не как результат некоей совершенной военной организации, а как результат стремления родовой аристократии захватить новые земли и накопить новые богатства. Одновременно автор раскрывает процесс постепенной феодализации родовой аристократии. На основании обширных конкретных данных в статье показано, как и в какой степени османское общество и возникшее молодое османское государство использовали в своих интересах и приспособили к своим нуждам более развитые и совершенные формы общественно-политического устройства покоренных народов. Тем самым автор убедительно показывает ненаучность и тенденциозность распространяемых некоторыми кемалистскими историками теорий о какой-то самобытности османского общественного строя, присущего якобы только тюркским народам.

Но прослеживая процесс феодализации османского общества, автор не подчеркнул достаточно ясно, что этот процесс, с одной стороны, стимулировался войнами, а с другой — сам по себе явился стимулом для развертывания турецкой военной экспансии. Раздача захваченных земель в форме тимаров и зиаметов способствовала постепенному формированию османской земельной аристократии. С другой стороны, практика увеличения ленов (*tegakki*) спахиям, проявившим усердие в войнах, создавала, без сомнения, новый стимул к организации непрерывных завоевательных экспедиций. Именно этим (а не какой-то совершенной военной организацией и единством) объясняется в значительной степени и боеспособность турок-османов.

Уместно было бы тут же остановиться на роли религиозного фанатизма, усердно внедрявшегося в сознание народных масс для того, чтобы отвлечь их внимание от острых социальных противоречий и их бедственного положения, внушить им ненависть к немусульманским народам и толкнуть на борьбу с ними.

Широко используя данные турецких хроник, Тверитинова опровергает кемалистских ученых, утверждающих, что турецкое завоевание было чуть ли не благодеянием для балканских народов, что оно создало им условия мира, спокойствия и полной безопасности для жизни, имущества и чести. Сведения самих турецких источников этого времени свидетельствуют, что турецкая экспансия всегда сопровождалась опустошениями, издевательствами и массовым угоном покоренного населения в рабство. Картина этих трагических результатов турецких завоеваний в XIII и начале XIV в. была бы еще более полной, если бы были привлечены и сведения из византийских источников (особенно Пахимер и Григора).

Тверитинова раскрывает деспотический характер султанской власти и тяжелый гнет турецкой феодальной системы. Автор рисует картину тяжелой феодальной эксплуатации народных масс как со стороны государства, так и со стороны ленных владетелей, показывая тем самым тенденциозность всякого рода «теорий» о том, что в османском обществе якобы существовала классовая гармония. Очевидно, ограниченные рамки статьи не позволили Тверитиновой привести и использовать более обширный материал, который всесторонне охарактеризовал бы процесс углубляющихся социальных противоречий в османском обществе.

Очень интересен тот раздел статьи, в котором автор опровергает утверждение кемалистских историков о том, что турецкие султаны якобы создали «образец» абсолютной монархии, причем намного раньше, чем в европейских странах. Автор подчеркивает, что общественно-политические основы османского государства отличны от абсолютных монархий в Европе XVIII в. Наличие сильной центральной власти у османских турок объясняется необходимостью взаимной поддержки между турецким султаном и военно-феодальными владетелями, заинтересованными в крепкой военной и государственной организации для осуществления новых территориальных захватов и сохранения господства над зависимым населением империи.

В целом труд А. С. Тверитиновой является ценным опытом изучения малоработанного вопроса об общественно-экономических основах молодого османского государства в Анатолии и внутренних причинах его экспансий и территориального расширения в XIV—XVI вв.

Очень интересной является работа видного болгарского историка Д. С. Ангелова «Certains aspects de la conquête des peuples balcaniques par les turcs», опубликованная в т. XVII/2 *Byzantinoslavica* (р. 220—275).

На основе обширных и малоизвестных данных из византийских и некоторых западных источников Д. Ангелов раскрыл трагические последствия турецкой экспансии, начиная со времени первых нападений османов на византийские владения в Анатолии и кончая завоеванием Балканского полуострова. Особенно свежий и интересный материал приводит автор, рисуя картину страшных опустошений, причиненных османскими турками или малоазиатскими сельджуками в азиатских провинциях Византии. К сожалению, в этой части статьи, посвященной завоеванию турками ряда малоазиатских византийских владений в конце XIII и начале XIV в., автор не всегда достаточно четко придерживается хронологической последовательности событий. Так, нападения различных сельджукских эмиратов, возникших при распаде сельджукского государства в Анатолии, не отделены ясно от действий османских турок (стр. 222). Поэтому у читателя создается представление, что только после завоевания Брусы, Никомидии и Никеи, т. е. в начале XIV в., в Малой Азии возникают различные эмираты сельджуков. Фактически же эти эмираты обособились еще раньше — в XIII в., когда сельджукское государство попало в зависимость от монгольских ханов.

Д. Ангелов убедительно доказывает, что экспансия турок-османов в Малой Азии в XIV в. не только нанесла тяжелый удар производительным силам, не только разорила местное население, но и значительно усилила тяжесть феодального гнета и эксплуатации.

Изложение этих моментов ранней османской истории выиграло бы, если бы были привлечены и сведения из османских хроник. Сопоставленные с византийскими источниками, они могли бы дать полное, исчерпывающее представление о турецких завоеваниях и их последствиях.

Очень ценной является та часть очерка Д. Ангелова, которая трактует о разрушительных последствиях турецкого завоевания балканских стран. Автор привлекает здесь многочисленные сведения об опустошениях, причиненных завоевателями, о повсеместном уводе населения в рабство и катастрофическом воздействии этих событий на хозяйственную жизнь.

Д. Ангелов совершенно правильно уделил особое внимание турецкой колонизации захваченных земель и подобрал множество не использованных до сих пор материалов по этому вопросу. Автор опровергает тенденциозное утверждение некоторых реакционных турецких историков о том, что в результате турецкой колонизации будто бы коренным образом изменился демографический облик балканских земель, которые едва ли не отуречились. В подтверждение своей точки зрения Ангелов удачно привлекает сведения налоговых регистров османского государства (цитированных и у Ö. L. Barkan. *Les deportations comme méthode de peuplement et de colonisation dans l'Empire ottoman.* — *Revue de la Faculté des Sciences économiques de l'Université d'Istanbul*, 1—4, 1950, p. 67—131). Нужно, однако, отметить, что такие фискальные поземельные регистры с описями населения датируются не началом XVI в., как отмечает автор, но велись еще и в XV в.⁵

Целый ряд статей посвящен проблемам, связанным с внешнеполитическими отношениями Византии накануне турецкого завоевания. Так, в работе Р. Гийана (R. Guillard. *Les appels de Constantin XI Paléologue à Rome et à Venise pour sauver Constantinople (1452—1453).* BS, XIV, 1953, p. 226—244) рассматривается известная в историографии проблема о попытках византийского императора Константина XI Палеолога получить помощь от папы и Венеции для спасения Царьграда от турок. Автор прослеживает политические отношения между Византией и Венецией от восшествия императора Константина XI, отмечая грубое вмешательство итальянских морских торговых республик во внутреннюю жизнь империи и их монопольное положение в византийской экономике. Р. Гийан расценивает попытки Константина XI восстановить унию между восточной и западной церковью, как акт политической дальновидности в тяжелый для судьбы Византийской империи момент. В то же время автор раскрывает враждебное отношение царьградского населения к унии 1452 г. и лицемерное поведение католической церкви, которая не пришла на помощь Византии при осаде Царьграда.

Отношения империи с Венецией к середине XV в. обостряются из-за попытки последнего византийского императора наложить известные ограничения на венецианскую торговлю. Непосредственно перед падением Царьграда гибнущая империя неоднократно обращается за помощью к венецианской республике, но та, руководствуясь своими торговыми интересами, поддерживала договорные отношения с турками. И только почувствовав непосредственную опасность со стороны турок, Венеция сделала попытку помочь Царьграду, но было уже слишком поздно.

Автор справедливо подчеркнул, что помощь Венеции не была бы бескорыстной и империя, очевидно, заплатила бы за нее собственной независимостью и экономической самостоятельностью.

Статья Г. Эверт-Каппесовой (H. Evert-Kappesowa. *La tiare ou le turban.* BS, XIV, 1953, p. 245—257) дает в хорошо систематизиро-

⁵ См., например, неизданный документ Восточного отдела Государственной библиотеки им. Васила Коларова — София—Цариград—Дефтерхане, I. Тимари, XV в. Ср. Бр. Ђурђе в. Дефтери за Црногорски санџак из времена Скендер-бега Црнојевића, III.—Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom, III—IV, 1953, str. 349—402.

ванном виде уже известную историю отношений между Византией и Западом перед падением Царьграда, раскрывает глубокие корни старой вражды между ними, неблагоприятную международную обстановку, в условиях которой Византийская империя не могла рассчитывать на поддержку со стороны кого бы то ни было. Следует, однако, отметить, что в статье имеются и неправильные положения о превосходстве турок-османов, их централизованного государства и регулярной армии, и умеренности их налоговой системы (стр. 249). Доказано уже, что о подобном превосходстве не может быть и речи. Что касается налогов, то и в Османском государстве существовала жестокая феодальная эксплуатация, осуществлявшаяся, в частности, и при помощи весьма тяжелой для трудящихся налоговой системы.

Некоторые моменты византийско-венгерских отношений непосредственно перед падением Царьграда освещены в одном недавно опубликованном труде известного венгерского византиноведа Д. Моравчика (Gy. Moravcsik. *Ungarisch-byzantinische Beziehungen zur Zeit des Falles von Byzanz*. Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1954, S. 350—360).

На основе данных неиспользованного источника — поэмы Убертино Пускуло о падении Царьграда, а также византийских материалов — Моравчик раскрыл ряд интересных подробностей в развитии этих отношений. В 1452 г. Византия обратилась с просьбой о помощи к прославленному трансильванскому воеводе Яношу Гуниади. Он обещал Византии поддержку против турок, если порт Месемврия будет открыт для кораблей с венгерскими войсками. Византия сначала задержала ответ, но во время осады Царьграда согласилась. Слухи о том, что мадьяры явятся на помощь Византии, посеяли беспокойство среди турецких войск, но гибель Царьграда опередила отправку спасительной венгерской помощи.

Истории попыток чешских гуситов установить связь с царьградской церковью непосредственно перед гибелью византийской столицы посвящена обширная и тщательно аргументированная работа М. Пауловой. (M. Paulova. *L'Empire byzantin et les Tchèques avant la chute de Constantinople*. BS, XIV, 1953, p. 158—225).

Предполагалось, видимо, заключить унию между гуситской и восточной православной церковью. С этой целью в Царьград в начале 1452 г. был послан специальный чешский посол. Переговоры продолжались и в конце 1452 г., но ни к каким результатам не привели.

Вопросу об отношении стран Центральной Европы к турецкой опасности в XV—XVII вв. посвящены и статьи И. Мацурека и И. Полишенского (И. Мацурек. *Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя*. BS, XIV, 1953, p. 130—157; J. V. Polišenský. *Bohemia, the Turk and the Christian commonwealth (1462—1620)*. BS, XIV, 1953, p. 82—108).

Статья И. Мацурека освещает состояние средневропейских (придунайских и прикарпатских) государств в XIV—XV вв. и их попытки устранить турецкую опасность. Автор привлекает значительный материал и из венгерских источников. Он показывает расцвет экономики и культуры Центральной и Юго-Восточной Европы в XIV в., который был нарушен проникновением турок-османов в балканские земли. Но страны Центральной Европы, так же как и страны Западной Европы, проявили не только безразличие, но и абсолютную политическую близорукость перед наступающей стихией завоевателей. Руководимые исключительно своим взаимным политическим соперничеством, правящие круги этих стран недооценивали значения турецкой опасности и не поддержали борьбу балканских народов против турецких завоевателей. И только когда османские завоеватели все

чаще стали беспокоить венгерские земли и турецкое владычество утвердилось в землях, соседних с Венгрией, была организована первая, более серьезная попытка обороны — трагически закончившийся крестовый поход 1396 г.

Мацурек весьма правильно отмечает, что в то время как в Восточной Европе Россия героически преградила путь турецкой стихии, Западная Европа не только бездействовала, но во многих случаях искала сближения с турецкими завоевателями.

Автор дает краткий очерк общественно-экономического развития Венгрии и Польши в начале XV в.; отмечает господство крупной земельной аристократии, озабоченной единственно сохранением своих классовых привилегий. Аристократия не только не искала опоры в народных массах в борьбе против турок, но направляла оружие против народа, жестоко подавляя всякий протест против феодального гнета. При этих условиях ни Центральная, ни Западная Европа не были в состоянии организовать серьезный отпор туркам. Известная перемена в этом отношении наступила к концу гуситских войн, когда героические гуситские отряды, проникшие в соседние страны, были использованы венграми в сражениях против турецких завоевателей. В статье особое место уделено борьбе, которую вели против османов трансильванский воевода Янош Гуниади. Автор показывает, что, несмотря на глубокую растерянность в венгерском обществе, вызванную падением Царьграда, только Венгрия (при бездействии и безразличии западных и средневропейских стран) отомстила за царьградскую катастрофу серьезным поражением, нанесенным туркам в 1456 г. отрядами Яноша Гуниади.

Большой интерес представляет и статья И. Полишенского, которая освещает роль Чехии и ее участие в борьбе против турок после падения Царьграда и до начала XVII в. Автор отмечает, что в Чехии всегда была популярна идея организации крестового похода против турок и что героические гуситские воины не раз участвовали в сражениях против азиатских завоевателей. Говоря о классовой борьбе в Чехии перед битвой при Могаче и о политической обстановке в Европе во второй половине XVI в., автор обращает внимание на ту значительную боевую и материальную помощь, которую Чехия оказала Габсбургской империи в ее борьбе с Турцией. И. Полишенский раскрывает в то же время и отрицательное отношение чешской политической мысли к Османской империи конца XVI—начала XVII в.

Марксистская историография последних лет уделила внимание и героической борьбе балканских народов, которую они вели в течение более чем ста лет против турецких завоевателей. Тут нужно отметить статьи Д. С. Ангелова «Турецкое завоевание и борьба балканских народов против нашествия» (ИП, г. IX, кн. 4, стр. 374—398) и И. С. Достян «Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв.» (ВВ, VII, 1953, стр. 32—49).

На основе ряда новых, не использованных до сих пор источников (прежде всего Leunclavius и Ходжа Сеадедин — в его итальянском переводе), Д. С. Ангелов подробно и точно освещает все боевые действия балканских народов против турецких завоевателей с конца XIII в. до окончательного завоевания Балканского полуострова. Статья весьма убедительно показывает, что проникновение турок в балканские страны представляет не ряд блестящих и легких побед, как утверждает большинство буржуазных ученых, а тяжелое и мучительное преодоление упорного сопротивления, оказанного завоевателям балканскими народами. Новый материал, привлеченный Д. Ангеловым, не только свидетельствует об исклю-

чительном героизме балканских народов в эти решающие десятилетия, но в то же время он свидетельствует о вероломстве части балканской феодальной аристократии, которая предала интересы народа и содействовала подавлению его сопротивления.

Те же проблемы разрабатывает и И. С. Достян. Но, вопреки заглавию, в статье гораздо больше места уделено трагическим последствиям турецкого нашествия, чем борьбе балканских народов. Автор дает краткий критический обзор буржуазных теорий о якобы положительном воздействии турецкого завоевания на судьбу балканских народов. Хотя И. С. Достян использовала в основном второстепенные исторические материалы, все же она убедительно иллюстрировала с их помощью свою точку зрения. Но в статье есть и некоторые неточности. Так, например, автор отмечает, что турецкое владычество было особенно тяжелым для феодального зависимого крестьянства покоренных народов — для так называемой райи (стр. 45). Известно, однако, что термин «райя» относится не только к зависимому населению покоренных народов, а вообще ко всему зависимому населению, включая и турецкие эксплуатируемые классы⁶. Поголовным налогом — так называемым хараджем или джизье — в действительности облагалось не всё сельское население Турции (см. стр. 46), а только немусульманское мужское население в городе и деревне в возрасте между 15—75 годами⁷.

Общая оценка исторических последствий покорения балканских народов и падения Царьграда дана в статье М. В. Левченко «Завоевание турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события» (ВВ, VII, 1953, стр. 3—8). С падением Константинополя был уничтожен один из крупных центров мировой торговли, на протяжении веков бывший посредником в торговле между Востоком и Западом. Вместе с тем был разрушен и крупнейший центр культуры. Гибель Константинополя означала окончательное утверждение на Балканском полуострове турецкого владычества, которое приостановило, задержало историческое развитие балканских народов и обрекло их в течение веков на тяжелую эксплуатацию и национальный гнет.

Специальный интерес представляет сравнительно краткая статья А. Вайана (A. Vaillant. Les langues slaves méridionales et la conquête turque. BS, XIV, 1953, p. 123—129) о развитии южнославянских языков в период турецкого владычества. Это скорее очерк общего характера без какого бы то ни было доказательного материала. Общий вывод автора тот, что турецкое завоевание на Балканах не изменило языкового облика южных славян, что, находясь в границах одной и той же империи, эти славяне в языковом отношении оказывали друг на друга взаимное влияние и что турецкий язык оставил лишь незначительные следы в их языках. Нельзя признать правильным имеющееся в статье утверждение о том, что турки не только проявляли терпимость по отношению к христианской религии, но и почитали ее, и что то же делали со своей стороны и покоренные народы по отношению к исламу. Это утверждение противоречит многочисленным фактам, свидетельствующим о господствовавшем в Османской империи режиме грубой религиозно-национальной дискриминации подчиненных немусульманских народов. Мы не согласны с автором и в том, что, перечисляя балканские языки, он различает болгарский и ма-

⁶ Й. Кабрда. Рая. Известия на българското историческото дружество, т. XIV—XV, 1937, стр. 177—185.

⁷ В. Nedkov. Die Gizya (Kopfsteuer) im Osmanischen Reich mit besonderen Berücksichtigung von Bulgarien. Leipzig, 1942.

кедонский, забывая, что самостоятельный македонский язык в ту эпоху не существовал; существовал лишь македонский диалект болгарского языка.

Ряд статей рассматривает вопрос об отражении турецкого завоевания и гибели Царьграда в литературе различных народов. В наиболее общей форме это сделал Ив. Дуйчев в обширной работе «La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine», опубликованной в ряде томов *Byzantinoslavica* (XIV, 1953, р. 14—54; XVI/2, 1955, р. 318—329; XVII/2, 1956, р. 276—340).

В первой части этой работы автор исчерпывающе характеризует болгарские памятники литературы, отражающие эти события, а во второй и третьей (хотя и бегло) — сербские, русские и чешские.

Большинство этих материалов давно известно науке и широко использовано специалистами. При таких условиях было бы очень ценно не только систематизировать весь этот материал, но и попытаться установить, насколько правильно отражена историческая действительность тем или иным автором в зависимости от его социального происхождения, культуры, идеологии. В рассматриваемой статье этого, к сожалению, не сделано, хотя автор, несомненно, прекрасно знает литературный материал и излагает его с замечательной точностью и отлично составленными библиографическими справками. Многие литературные памятники рассмотрены в статье формально. Нередко автор просто излагает содержащийся в этих памятниках материал о турецком нашествии на Балканский полуостров, иногда даже ограничивается только цитатами из самих источников. Весьма мало внимания уделено вопросу о классовом происхождении и мировоззрении самих авторов, а это было необходимо для того, чтобы установить, почему они различным образом представляют одно и то же событие. Критический анализ скорее направлен на чисто внешнюю сторону рассматриваемых источников (например, на определение автора того или иного анонимного памятника, на языковые особенности). В некоторых местах допущены неточные характеристики известных событий этого периода. Так, например, в конце своего очерка о так называемой «Болгарской хронике» Ив. Дуйчев по существу становится на точку зрения анонимного автора этого памятника, возлагая ответственность за порабощение балканских народов на них самих, на их взаимное соперничество и политические ошибки правителей, между тем как в этом вопросе необходимо было бы разграничить поведение правящих классов балканских стран в период завоевания и героическую борьбу народных масс, подчеркнув при этом предательскую роль части феодальной знати.

Разработке вопроса об откликах на трагическую гибель Византии в германской литературе XV в. посвящена статья И. Ирмшера (*J. I r m s c h e r. Zeitgenössische Stimmen zum Fall von Byzanz. BS, XIV, 1953, S. 109—122*). Хотя турецкая опасность не угрожала непосредственно Германии, гибель Византии и балканских стран нашла отражение не только в германских хрониках, но и в некоторых современных памятниках литературы. Ирмшер специально рассматривает произведения Бальтазара Мандельрейса и Ганса Розенплюта, в которых в связи с трагическими событиями на Балканском полуострове отражены некоторые моменты состояния германского общества того времени и стремления различных общественных кругов. Автор утверждает, что если творчество Мандельрейса связано с официальной имперской поэзией, то Розенплют является выразителем интересов и взглядов обособляющегося бюргерства. Весьма характерно, в частности, что Розенплют высказывает весьма прогрессивные для своей эпохи идеи относительно положения и роли крестьянства.

В кратком научном сообщении В. Греку в том же XIV томе *Byzanti-*

noslavica «La chute de Constantinople dans la littérature populaire roumaine» (р. 55—81) разрабатывается вопрос об отражении событий, связанных с падением Царьграда, в румынской народной литературе. Автор публикует перевод одной румынской рукописи, которая содержит рассказ о взятии Царьграда.

Об откликах в Румынии на турецкое завоевание Царьграда пишет, но тоже очень кратко, и М. Сесан. Этому вопросу он посвятил последнюю часть своей статьи «La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes» (BS, XIV, 1953, р. 271—282). Приходится отметить, что статья не всегда отличается достаточной точностью формулировок. В частности, на стр. 278 автор так излагает факты о религиозном разъединении восточной и западной церкви, что получается, будто гибель Царьграда объясняется едва ли не схизмой между двумя церквями.

Ряд публикаций и научных сообщений посвящен отдельным памятникам, связанным с трагическими событиями середины XV в. Так, например, М. Туркова опубликовала и подробно прокомментировала перевод рассказа о завоевании Царьграда из путевых заметок Евлия Челеби (Le siège de Constantinople d'après le Seyāhatnāme d'Evlya Çelebî. BS, XIV, 1953, р. 1—14; XVII/1, 1956, р. 125—127). Известный венгерский тюрколог Л. Фекете исследовал историческую достоверность так называемого Фетхнамэ о битве при Варне в 1444 г., помещенного в сборнике Feridun bey-Münşaat-ül-selâtin (Das Fethnāme über die Schlacht bei Varna. BS, XIV, 1953, S. 258—270). Текстологический анализ показал, что это Фетхнамэ у Феридун бея не является копией с самого оригинала — при его составлении использованы более поздние копии.

Весьма ценной является работа Н. А. Смирнова «Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.» (ВВ, 1953, т. VII, стр. 50—71). После исчерпывающего анализа исследований, проводившихся над этой интересной повестью различными специалистами, автор отмечает ее большое значение как единственного в своем роде источника, который убедительно рассеивает легенду о непреодолимой мощи османской армии и раскрывает героическую борьбу царьградского населения.

Н. А. Мещерский в серьезном научном сообщении занимается древнерусским переводом так называемого «Рыдания», написанного знаменитым византийским писателем XV в. Иоанном Евгеником («Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод». ВВ, 1953, т. VII, стр. 72—86). Мещерский отмечает, что древнерусский перевод «Рыдания» представляет первый сочувственный отклик русской общественности на злополучную участь Византии.

В том же VII томе «Византийского временника» опубликованы в отличном русском переводе описания падения Царьграда византийских писателей Дуки, Сфрандзи, Халкокондила и армянских летописцев Абраама Анкирского и Аракела Багешского (стр. 385—444).

В 1953 г. болгарские историки подготовили и опубликовали специальный сборник документов, раскрывающих положение болгарского народа во время турецкого завоевания и в течение всего турецкого владычества («Положението на българския народ под турско робство». Българска Академия на науките. Институт за българска история. София, 1953).

Обобщая все сказанное выше, мы можем сделать вывод, что рассмотренные здесь труды и материалы свидетельствуют о серьезных достижениях исторической науки в СССР и в странах народной демократии. Значение этих работ не только в том, что они опровергают тенденциозные теории буржуазной историографии прошлого и современной

реакционной науки о превосходстве турок-османов, о положительном воздействии турецкого господства на судьбу балканских народов. Их значение также и в том, что многие из них глубоко освещают ряд не разрешенных до сих пор проблем византиноведения, османистики и историографии Юго-Восточной Европы вообще.

Правда, бóльшая часть публикаций посвящена вопросам политической истории. Мало работ, которые освещали бы общественно-экономическое устройство Византии и балканских стран накануне их завоевания турками. Совсем ограниченное место уделено другому, не менее важному моменту — развитию османского общества перед турецкой экспансией на Балканы и переменам, которые в нем наступили под влиянием более передовых общественно-политических отношений и институтов завоеванных стран. Разработка этих вопросов способствовала бы не только всестороннему освещению причин гибели Византии и балканских стран в XIV—XV вв., но и выяснению особенностей турецкой феодальной системы, во многих отношениях испытавшей влияние феодализма балканских государств*.

Бистра А. Цветкова

(Перевод с болгарского Т. Я. Елисеевой)

«ИСТОРИЯ И ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕНЦЕНОСЦЕВ»

**Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил
действ. член АН ГрузССР проф. К. С. Кекелидзе.**

Изд-во Академии наук ГрузССР. Тбилиси, 1954, 110 стр.

Рецензируемая книга представляет собой перевод на русский язык грузинского памятника, повествующего о событиях царствования Георгия III (1156—1184) и Тамары (1184—1213). Текст этот был открыт в конце прошлого века в рукописи, датированной 1638—1646 гг., и впервые издан в 1906 г. проф. Е. С. Такайшвили. Критическое его издание было осуществлено проф. К. С. Кекелидзе в 1941 г. Произведение рисует один из наиболее интересных периодов грузинской истории; это — годы политического и культурного подъема Грузии времен развитого феодализма, подъема, давшего плеяду замечательных деятелей культуры во главе с Руставели и по справедливости названного «грузинским ренессансом»¹. Переводчик «Истории» проф. К. С. Кекелидзе — ученый, хорошо известный своими исследованиями по древнегрузинской литературе и много занимавшийся настоящим памятником.

Не будучи компетентными судить здесь о точности перевода и вполне полагаясь на авторитетное свидетельство самого переводчика, стремившегося «дать прежде всего точный, понятный и лишь потом, по мере возможности, дословный перевод» (введение, стр. 13), мы вместе с тем хотели бы сделать несколько замечаний относительно публикации проф. К. С. Кекелидзе.

* За рамками нашего обзора остался ряд статей по более позднему периоду: Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. ВВ, VII, 1953, стр. 122—145; J. Kabrda. Les problèmes de l'histoire de la Bulgarie à l'époque de la domination turque. BS, XV/2, 1954, p. 173—208; J. Reychmann. Z nowszych badań nad dziejami stosunków agrarnych na Bliskim Wschodzie. Rocznik Orientalistyczny, XIX, 1954, p. 193—201.

¹ См. исследование Ш. Нуцубидзе. „Руставели и восточный Ренессанс“. Тбилиси, 1947.